

ПАРНАС
ДЫБОМ

ЗАБЫТАЯ
КНИГА

ЗАБЫТАЯ
КНИГА

ПАРНАС ДЫБОМ

Ал. Блок, А. Белый, Виктор Гофман,
Игорь Северянин, К. Юлий Цезарь,
Владимир Маяковский, Демьян Бедный,
Ал. Вертинский, Сергей Есенин, Гомер,
Данте, Крылов, В. Брюсов, К. Д. Бальмонт
и многие другие

ПРО: КОЗЛОВ, СОБАК И ВЕВЕРЛЕЕВ

II-е дополненное издание

Составили:

Э. С. П.

А. Г. Р.

А. М. Ф.

«КОСМОС»

1927

Э. С. Паперная

А. Г. Розенберг

А. М. Финкель

ПАРНАС ДЫБОМ

Литературные пародии

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1989

ББК 84Р7
П17

Составление, подготовка текста,
вступительная статья

Л. Г. Фризмана

Оформление художника

А. Семенова

П $\frac{4702010206-225}{028(01)-89}$ КБ—46—58—88

ISBN 5—280—00892—3

© Издательство
«Художественная
литература», 1989 г

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Вот он перед нами, знаменитый «Парнас дыбом». Шестидесят пять лет назад родились эти искрящиеся веселостью и остроумием пародии, метко улавливавшие и выразительно воспроизводившие особенности творческой манеры и стиля писателей разных стран и эпох, эти «Собаки», «Козлы» и «Веверлеи», сразу завоевавшие любовь читателей. Впервые «Парнас дыбом» вышел в харьковском издательстве «Космос» в 1925 г., а на протяжении последующих двух лет сборник переиздавался еще трижды. Известно, что Маяковский, будучи в Харькове, услышал о выходе сборника, где были пародии и на него, и, прочитав их, сказал: «Молодцы харьковчане! Такую книжицу не стыдно и в Москву с собой прихватить!»

С этой «книжицы» начинается история советской литературной пародии: первый сборник Александра Архангельского появился двумя годами позднее. Но кем она была создана, почти никто не знал. Одни считали ее дебютом А. Архангельского. Другие называли имена Ю. Олеси, В. Катаева, Л. Никулина. Первое издание вышло в свет анонимно, а в последующих авторы обозначили лишь свои инициалы: Э. С. П., А. Г. Р. и А. М. Ф. Только в 60-е годы статьями известного советского сатирика и пародиста

А. Б. Раскина, опубликованными в «Вопросах литературы» и в «Науке и жизни», покров тайны был наконец приподнят.

А. Б. Раскин напомнил при этом занятный исторический анекдот: «Говорят, что английская королева лет сто тому назад пришла в восторг, прочитав очаровательно остроумную детскую книгу. Она приказала принести ей все сочинения этого автора. К ее изумлению, ей принесли множество книг, посвященных проблемам высшей математики. Автор Льюис Кэрролл оказался оксфордским профессором. А прелестная его книжка «Алиса в стране чудес» возникла из шуточных рассказов во время прогулок с тремя маленькими девочками»¹. А. Б. Раскин с полным основанием замечает, что в подобном положении оказались бы и мы, если бы заинтересовались остальными сочинениями авторов «Парнаса дыбом».

Мы увидели бы перед собой обширную монографию «Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке», вузовский учебник «Современный русский литературный язык», и школьный «Учебник русского языка», и «Граматику русского языка» для школ слепых, и еще свыше полутора ста книг и статей по вопросам общего языкознания, лексикологии, фразеологии, стилистики и других лингвистических дисциплин. Все это — научное наследие А. М. Ф. — профессора Харьковского университета Александра Моисеевича Финкеля (1899—1968), которого по праву можно считать основным автором «Парнаса дыбом». Более половины текстов, вошедших в нынешнее издание сборника, принадлежит его перу.

Всю жизнь занимавшийся теорией художественного перевода, А. М. Финкель реализовал результаты своих научных изысканий и в поэтической практике. Он осуществил, в частности, полный перевод сонетов Шекспира, чет-

¹ Раскин А. Б. «Парнас дыбом», или Научное веселье» (Из истории советской литературной пародии). — Наука и жизнь, 1968, № 11, с. 106.

вертый за всю историю русской шекспиристики и получивший высокую оценку специалистов¹.

Соавтор А. М. Финкеля по «Парнасу дыбом» А. Г. Р. — доцент Александр Григорьевич Розенберг (1897—1965) оставил заметный след в изучении французской литературы. Он писал о Дю Белле и Малербе, Шаплене и Корнеле, Буало и Стендале, Бальзаке и Гюго. Его докторская диссертация «Доктрина французского классицизма» осталась незащищенной. Причиной была благородная негибкость автора, но здесь нет возможности останавливаться на деталях этой драматической истории. В сферу научных интересов А. Г. Розенберга входила и масса других, самых разнообразных проблем: и легенда о граде Китеже как тема русской литературы, и синтаксис былевого эпоса, и украинская народная песня, и ритмика стихов Шевченко, и учение Потебни.

Э. С. П. — Эстер Соломоновна Паперная (1901—1987) отдала свой талант детской литературе и художественному переводу. В конце 20-х и начале 30-х годов вышло несколько ее книг для детей, среди которых особого внимания заслуживает повесть «Живая пропaja». Она подарила нам радость общения со «знаменитым утенком Тимом», героем известной сказки Э. Блайтон, переводила с нескольких языков, в том числе с английского, французского, итальянского, польского, еврейского. Недоброе время вычеркнуло из ее жизни и творчества семнадцать лет, проведенных в сталинских лагерях. Ее реабилитации и возвращению в литературу много содействовал С. Я. Маршак, который высоко ценил сделанное Э. С. Паперной для детской книги.

Но вернемся в первую половину 20-х годов, когда все эти книги, статьи, переводы, позднее обогатившие нашу науку и литературу, не только не были созданы, но вряд ли и были задуманы. Группа молодых филологов, любознатель-

¹ См.: Шекспировские чтения. 1976. М., Наука, 1977, с. 215—284.

ных, мыслящих, ищущих, изучала тогда приметы индивидуального стиля писателей разных стран и эпох. И прониклась идеей — серьезной по постановке, но несколько озорной по форме изложения результатов — моделировать, как разработали бы один и тот же сюжет Гай Юлий Цезарь и Анатолий Франс, Шекспир и Волошин, Симеон Полоцкий и Надсон, Крылов и Вертинский, Гомер и Некрасов, Данте и Демьян Бедный.

Что же они писали, литературные пародии? Авторы с самого начала стремились, чтобы их произведения не были так восприняты. В предисловии, стилизованном под пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом», книгопродавец говорит:

Ваш замысел высок и чист:
Здоровый смех полезен людям.
Что ж? Ныне наслаждаться будем,
Чем одарил нас пародист.

И слышит такой ответ поэта:

Не я здесь автор — коллектив.
Не пародист — а подражатель.
И, вас теперь предупредив,
Хочу, чтоб знал о том читатель.

Ту же точку зрения авторы уверенно повторили и сорок лет спустя: «...мы не были и не хотели быть пародистами, мы были стилизаторами, да еще с установкой познавательной. То же, что все это смешно и забавно, — это, так сказать, побочный эффект (так нам, по крайней мере, казалось). Однако эффект оказался важнее нашей серьезности и для издателей и читателей совершенно ее вытеснил». «Книжечку эту... читатели называли сборником пародий». Кто же здесь прав, читатели или авторы? Об этом стоит поразмышлять.

Пародия на протяжении всей своей многолетней истории была формой литературной критики и участницей литературной борьбы. Пародировались ведь не только от-

дельные авторы, но и темы, и жанры, и литературные школы, и творческие методы и стили. Высвеченная остроумием пародиста, гипертрофированная стилевая примета или совокупность примет представляла читательскому взору намеренно сниженной, как бы разоблаченной. То, что хотели представить значительным, возвышенным, а порою и трагичным, обнаруживало свои комические стороны.

Пародия по-своему помогала литературе меняться, развиваться, двигаться вперед и, смеясь, прощаться с прошлым. Отсюда устремленность пародистов всех времен избирать мишенью своего остроумия отжившее, дискредитировать ложные авторитеты, указывать читателю на не замеченные им слабости незаслуженно прославленных произведений. Потому Добролюбов, сам мастерски использовавший возможности пародии в литературной борьбе, говорил о непростительности «и самых остроумных насмешек над тем, что дорого и свято... Попробуйте перепародировать Гоголя в его «Мертвых душах», «Ревизоре» и лучших повестях — много ли успеха будете вы иметь?»¹ Иное дело, если требуется «ловить и обличать»: «тут-то и годится пародия»².

Авторы «Парнаса» отчетливо и правильно представляли себе роль пародии в литературном процессе, и именно это, видимо, и побудило их подчеркнуть, что они не пародисты. Главное отличие их работы от того, чем искони занимались и занимаются по сей день авторы пародий, в том, что они изучали стили и индивидуальную манеру письма широко и непредвзято, не выискивали слабости или уязвимые места, а стремились проникнуть в то, что определяет авторский облик, его реализацию в слове, в строении сюжета, в поэтической интонации. Итоги своих исследований «парнасцы» воплотили в произведениях, которые сами они удачно и точно назвали «научным весельем».

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 6. М.—Л., Гослитиздат, 1963, с. 215.

² Там же, с. 220.

И все же мы вправе считать их произведения пародиями, если сущность этого жанра увидим в том, в чем ее видел Пушкин, определявший пародию как «искусство подделываться под слог известных писателей». «Сей род шуток,— говорил он, — требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами...»¹ Именно обладание «всеми слогами» снискало «Парнасу» устойчивую популярность, усиливаемую, может быть, тем, что именно «искусства подделываться под слог известных писателей» зачастую недостает современным пародистам.

Нынешние авторы пародий обычно предпосылают своим произведениям своеобразные «эпиграфы» — несколько строк пародируемого автора. Чтобы читатель знал, что подлежит пародийному утрированию, над чем ему предложат посмеяться. Попробуйте подобрать подобные эпиграфы к текстам «Парнаса»: к Шекспиру, к Зощенко, к Крылову, к Пастернаку. Такая попытка обречена на полную неудачу. Потому что «парнасцы» стремились и умели не обыгрывать одно какое-то выражение, а улавливать и воплощать то, что характеризует индивидуальность стиля. Вот чему могли бы поучиться современные пародисты у своих предшественников.

Как известно, участь «Парнаса дыбом» оказалась нелегкой. С каждым годом он становился все большей редкостью. Немногочисленные обладатели берегли его пуще глаза, а жаждущие стать таковыми уверялись в недостижимости своей цели. И пошел он обычным для тех времен путем — в «самиздат». Стучали пишущие машинки, и с копий снимались копии.

Второе рождение «Парнаса дыбом» могло состояться в конце 60-х годов. Могло, но не состоялось. К тому времени Э. С. Паперная и А. М. Финкель (А. Г. Розенберга уже не было в живых) пополнили сборник рядом новых произведений. Некоторые из них появились на

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 11. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 118.

страницах журналов, прозвучали с телевизионного экрана.

Попытки добиться переиздания «Парнаса» продолжались более десяти лет: с хрущевской оттепели до возобладания сил, властвовавших в эпоху застоя. Сейчас трудно восстановить все перипетии этой изматывающей борьбы литераторов с бюрократами. Даже когда харьковское издательство «Прапор» обещало читателям дополненное издание «Парнаса» и казалось, чудо вот-вот свершится, авторы не могли избавиться от мрачных предчувствий. 22 марта 1967 года Э. С. Паперная писала А. М. Финкелю: «Скажу тебе по секрету, что, даже подписавши договор с издательством, мы не сможем быть уверены в рождении нового «Парнаса дыбом», ибо в нашем благословенном отечестве всякие форс-мажоры могут разразиться в любую минуту»¹.

И «форс-мажор» действительно разразился. Книга не увидела света. То ли показались неблагонадежными иные из пародируемых авторов, например Гумилев, Волошин или Ремизов, то ли обнаружилось какие-то сложности в отношении к пародистам. Издательство не отяготило никакими объяснениями двухстрочную отписку, извещающую, что оно «не имеет возможности издать пародии «Парнас дыбом». Невольно вспоминается ироническое размышление Щедрина: то ли просвещение для орлов вредно, то ли орлы для просвещения вредны... Как бы то ни было, орлы тогда свое дело сделали.

Как и многое, что получает сегодня советский читатель, эта книжка обязана своим появлением переменам, которые произошли у нас в последние годы. Многие, чего мы не чаяли видеть на книжной полке, видим. Вот и он, «Парнас дыбом».

¹ Отдел редких изданий и рукописей Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко, ф. 16 (А. М. Финкеля), ед. хр. Р-85-145, л. 23.

В первом издании сборника появилось 37 пародий (7 «Собак», 18 «Козлов» и 12 «Веверлеев»). В том, которое собирался выпустить «Прапор», их количество должно было возрасти до 56-ти (15 «Собак», 24 «Козла» и 17 «Веверлеев»). В нашем сборнике, дополненном произведениями, сохранившимися в архиве А. М. Финкеля, читатель найдет 69 пародий (21 «Собаку», 31 «Козла» и 17 «Веверлеев»), а также статью Э. С. Паперной и А. М. Финкеля, повествующую о том, как создавался «Парнас дыбом». Все подстрочные примечания принадлежат авторам сборника.

Л. Фризман

ПАРНАС
ДЫБОМ

Вместо предисловия
РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

Книгопродавец

Вам муза, вижу я, верна:
Балует вас, и ублажает,
И, как примерная жена,
Стихи без устали рождает.
Плод новых умственных затей —
Поэма, говорят, готова.
Итак, решите, жду я слова,
Назначьте сами цену ей!

Поэт

Вы ошибаетесь, мой друг.
Я к вам сегодня без поэмы.
Иные волновали темы,
Иным заполнен был досуг.
Я время то вспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Как был горяч сердечный жар,
Как был я весел, горд и молод.
Теперь, увы, я сед и стар
И душу облакает холод.

Книгопродавец

Но вы, я вижу, принесли
Опять творенья вашей музыки.
С чем ныне вы ко мне пришли?

Поэт

Я с ней не прерывал союза.
Она явилась в тишине,
Мое прервав уединенье,
И подарила снова мне,
Как в дни былые, вдохновенье.
И мнилось — снова нежен, юн,
Я предаюсь своим мечтаньям,
И снова легкое бряцанье
С серебряных спадало струн.
И пронеслися предо мной
Толпою призрачных видений
Те, кем гордится род земной:
Здесь Данта был суровый гений,
Здесь был слепой певец Омир,
Некрасов, Франс, Крылов, Твардовский,
Есенин, Эренбург, Шекспир,
Ахматова и Маяковский¹.
Все говорили: «Перестрой
На новый лад искусну лиру,
И пусть напомнит голос твой
О нас забывчивому миру».
Я был смущен и потрясен,
Клубилась в жилах кровь, как волны,
В ушах стоял немолчный звон,
И я бежал, смятенья полный,
Друзьям своим поведал сны,
Совместно их свершить затеяв...

¹ Вариант издания 1927 г.: Некрасов, Франс, Уайльд, Жуковский, Ахматова, Бальмонт, Шекспир, Юшкевич, Пушкин, Маяковский.

И вот — они заключены
В собак, козлов и веверлеев.

К н и г о п р о д а в е ц

Ваш замысел высок и чист:
Здоровый смех полезен людям.
Что ж? Ныне наслаждаться будем,
Чем одарил нас пародист.

П о э т

Я рад. Вы поняли меня.
Еще одно лишь замечанье,
Чтобы потом не слышал я
Упрека или нареканья.
Не я здесь автор — коллектив.
Не пародист — а подражатель.
И, вас теперь предупредив,
Хочу, чтоб знал о том читатель.

К н и г о п р о д а в е ц

Ваше желание будет исполнено.
Полагаю, что наш разговор уяснит
Читателю вашу мысль, и, с вашего
Разрешения, я его напечатаю.

⟨А. Финкель⟩

I СОБАКИ

*У попа была собака,
Он ее любил.
Она съела кусок мяса,
Он ее убил.
И в яму закопал,
И надпись написал,
что:
У попа была собака,
и т. д.*

Кай Юлий Цезарь

(Записки о Британской войне,
книга IV, гл. 10,
подстр. пер. изд. «Польза»)

По многим причинам, так как вследствие того, что Цезарь набрал при помощи рекрутского набора новых два легиона, из коих один направил форсированным маршем в Британию, а другой, назначивши начальником Тита Акция Барбона, оставил на зимних квартирах в окрестностях Лютеции для его пропитания, и как впоследствии он узнал через лазутчиков, солдаты сильно роптали по недостатку продовольствия. Известно, что многие мелкие животные, как-то: собаки и лисицы и зайцы также, охотно принимаемы в пищу с тем большим удовольствием, чем больше мучимы они голодом. Поэтому верховный жрец десятого легиона съел в живом виде легионного волкодава, который съел у него весь запас сушеного мяса на зиму. Возбужденный известиями, Цезарь послал легатов донести Сенату, что по многим причинам, так как вследствие того, что Цезарь набрал при помощи рекрутского набора новых два легиона и т. д.

53 г. до Р. X. — 701 г. от осн. Рима

⟨А. Розенберг⟩

ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

В безмятежные дни мира,
дни и радости и счастья,
на земле Оджибуэв
жил седой учитель-кацик.
У него был Мишенава,
пес лукавый и ученый,
и старик души не чаял
в Мишенаве, псе разумном.
Как-то, сидя у вигвама
и прислушиваясь к стону
засыпающей Шух-шух-ги,
цапли сизой длинноперой,
он задумался глубоко
и забыл о пеммикане,
что для трапезы вечерней
принесли ему соседи.
То проведал пес лукавый,
и, как гнусный Шогодайа,
трус презренный и ничтожный,
он подкрался к пеммикану,
вмиг все съел обжора гадкий.
Но узнал об этом кацик,
и, схватив свой томагаук,
он убил одним ударом
злого вора Мишенаву.

А потом сплел пестрый вампум¹
про себя и про собаку:
«В безмятежные дни мира,
дни и радости и счастья
и т. д.

1467 г. 〈А. Финкель〉

¹ Пояс из цветных раковин, один из видов предметного письма.

Вильям Шекспир
Перевод с английского

СОНЕТ 155

Да, я убил! Иначе я не мог,
Но не зови меня убийцей в рясе.
Был беззаветно мной любим бульдог,
Я не жалел ему костей и мяса.

И все ж убил! Похитив мой ростбиф,
Он из бульдога стал простой дворняжкой.
Так мог ли жить он, сердце мне разбив
И омрачив мой мозг заботой тяжелой?!

Да, я убил! Но я же сохранил
Его черты в сердцах людей навеки.
Он будет жить во мгле моих чернил,
Покуда в мире есть моря и реки.

Его гробница — мой сонет. Вот так
Меня по-русски передаст Маршак.

1606 г.

⟨А. Финкель⟩

В каком краю — неведомо,
в каком году — не сказано,
в деревне Пустоголодно
жил был расстрига-поп.
Жила с попом собачечка
по имени Жужжеточка,
собой умна, красоточка,
да и честна притом.
На ту собачку верную
бросал свои владения,
амбары да чуланчики,
телячьа мяса полные,
поп все свое добро.
Но голод штуку скверную
сыграл с Жужжеткой верною,
и, дичь украв превкусную,
собачка съела всю.
Узнав про кражу злостную,
взял поп секиру острую,
и ту Жужжетку верную
в саду он зарубил.
И, слезы проливаяючи,
купил плиту чугунную
и буквами словенскими
велел Вавиле-слесарю
там надпись надписать:
«В каком краю — неведомо,
и т. д.

1868 г.

⟨А. Розенберг⟩

Оскар Уайльд

Он убил ее.

Убил, потому что любил. Так повелось в веках.

Пурпурное мясо, кровавое, как тога римских императоров, и более красное, нежели огненные анемоны, еще терзал жемчуг ее зубов. Серебряные луны ее маленьких ножек неподвижно покоились на изумрудном газоне, окрашенном рубиновой кровью, этой росой любви и страданья.

— «Poor Bobby!»¹ — вздохнул мистер Чезьюибл, викарий Ноттенгеймской церкви, отбрасывая прочь палку, орудие убийства: — «Ты не знал, что, хотя любовь есть воровство, воровство не есть любовь. Смерть открыла тебе эту тайну. Ты сейчас мудрее всех мудрецов мира. Requiescas in pace»².

Он удалился.

С лиловых ирисов капали слезы на золотой песок...

Он убил ее.

Убил, потому что любил.

1889 г.

⟨А. Розенберг⟩

¹ Бедный Бобби! (англ.)

² Покойся с миром (лат.).

На столовых часах аббата Антуана Парэ пробило пять. Мари-Анн, исполнявшая в течение двадцати лет обязанности кухарки аббата, начала беспокоиться. Аббат, всегда такой аккуратный, сегодня почему-то запоздал. Вместе с Мари-Анн беспокоился и Лаведак, любимый сеттер Антуана Парэ (он был ему большим другом). По природе своей Лаведак был стойком и весьма философски относился ко всем событиям, памятуя превосходные изречения Марка Аврелия, которые он неоднократно перечитывал вместе с аббатом. Но сегодня желудок Лаведака заставил его беспокойно поглядывать то на дверь, через которую обычно входил аббат, то на стол, на котором стояла холодная говядина с горошком.

И вдруг стихийный импульс сократил стальные мускулы его ног. Миг — и говядина очутилась в зубах Лаведака. Сейчас же к нему вернулось его философское спокойствие. «Mêden agan»¹, — подумал он, соскакивая со стула.

Дверь отворилась, и в столовую вошел Антуан Парэ. Увидав Лаведака, аббат покачал укоризненно головой.

— Конечно, — сказал он, — собственность есть понятие относительное. Древние египтяне, как свидетельствует Геродот, чрезвычайно любили похищать невинность чужих жен, не считая это грехом. Но поскольку она является мощным фактором человеческой культуры

¹ Ничего слишком (греч.).

и цивилизации, всякий, нарушающий права собственности, является преступником. Смотри об этом у Савиньи.

Всякое же преступление, как говорит тот же Савиньи, влечет за собой и наказание.

— Мари-Анн, утопите Лаведака.

1893 г.

⟨А. Розенберг⟩

ЧЕЛОВЕК ДЕЛА

Сэм Слокер знал толк в виски, в пшенице, в часах, в морских свинках, в колесной мази, в чулках, в ракушках, в сортах индиго, в бриллиантах, в подошвах, в фотографиях и во многом другом. Когда я встретил его в первый раз в Оклахоме, он торговал эликсиром собственного производства, противоядием от укусов бешеных ящериц. В Миннесоте мы столкнулись с ним у стойки багроволицей вдовы, трактирщицы миссис Пирлс. Он предлагал вдове свои услуги в качестве мозольного оператора за одну бутылку шотландского виски.

— Ну, Сэм, расскажите, — попросил я, когда бутылки были уже откупорены, — как вышло, что доллары стали для вас нумизматической редкостью, и мозоли м-сс Пирлс чуть не сделались жертвой вашей финансовой политики.

Сэм задумчиво сплюнул на кончик моего сапога и нехотя проронил:

— Не люблю я попов.

— О, Сэм, — энергично запротестовал я, — вы знаете, что никогда в нашем роду не было длиннорысих.

— Да нет, — угрюмо проворчал он, — я говорю об этом старом мерзавце, об этой клистирной кишке, об этом кроличьем помете, о дакотском мормоне. Ведь собаке цены не было, я мог бы продать каждого щенка не меньше чем за тысячу долларов.

— А пес был ваш? — неуверенно спросил я, боясь, что не совсем точно поспеваю за ходом мыслей Сэма Слокера.

— Ну да, мой. Я получил его еще щенком от сторожа

питомника за пачку табаку. Когда дакотское преподобие увидел собаку на выставке, у него хребет затрясся от восторга. Тогда же я и продал ему собаку с условием, что первые щенята — мои. У меня уже и покупатели были. А, проклятый пророк, попадись ты мне, гнилая твоя селезенка, был бы ты у меня кладбищенским мясом!

— Ну, и что же? — с интересом спросил я.

Сэм яростно стукнул кулаком по столу:

— Эта церковная росوماха, этот скаред убил ее из-за куска протухшего ростбифа. Что же, по-вашему, собака так и должна сидеть на диете? Да еще такая благородная собака. Нет, пусть я буду на виселице, пусть мною позавтракают койоты, если я не прав. У этого святоши от жадности свихнуло мозги набекрень, когда он обнаружил, что его мясные запасы тают. Нет собаки, нет щенят — пропали мои доллары.

— Да, — сочувственно заметил я, — история, действительно, неприятная.

Прощаясь, Сэм протянул мне руку и уже в дверях процедил сквозь зубы:

— Только одно и утешает меня, что тащить мясо приучил собаку я сам. Всю зиму у меня был довольно недурной мясной стол.

1908 г.

〈Э. Паперная〉

И. А. Бунин

СОНЕТ

Поп сив и стар. Глаза красны от слез.
Одна забота — зажигать лампы.
Жена в гробу. И дочка за оградой.
Последний друг — худой, облезлый пес.

Теперь попу уже не много надо:
Краюшку хлеба, пачку папирос.
Но жаден пес. С ним никакого сладу.
Лукав, хитер. И мясо он унес.

Нет, так нельзя! В глазах усталых пламень.
Поп, ковыляя, тащится в сарай.
Берет топор. И, наточив о камень,
Псу говорит в последний раз: прощай.

Топор взлетел в широком плавном взмахе,
И заалела киноварь на плахе.

1913 г.

⟨А. Финкель⟩

I

У истоков сумрачного Конго,
Возле озера Виктория-Нианца
Под удары жреческого гонга
Он свершал магические танцы.
Бормотанье, завыванье, пенье,
Утомясь, переходило в стоны,
Но смотрел уже без удивленья
Старый пес — подарок Ливингстона.

II

Пестрый сеттер, быстр как ветер,
Всех был преданней на свете,
Не воришка и не трус.
Но для старых и голодных
Добродетели бесплодны,
Драгоценней мяса кус.
Пестрый пес лежал так близко,
Мяса кус висел так низко,
Над землей всего лишь фут.
И открылась в сердце дверца,
А когда им шепчет сердце,
Псы не борются, не ждут.

III

Сегодня ты как-то печально глядишь на ковры и обои
И слушать не хочешь про страны, где вечно ласкающий май

Послушай, огни погасим, и пригрезится пусть нам обоим,
Как жрец, разозлившись на пса, смертоносный схватил
ассегай.

Помчалось копые, загудя, убегавшей собаке вдогонку,
И, кровью песок обагрив, повалился наказанный пес.
Послушай, — на озере Ньянца, под звуки гудящего гонга,
Жил сеттер голодный и быстрый, и мясо жреца он унес...

1914 г.

〈А. Финкель〉

Анна Ахматова

Я бедный попик убогий,
живу без улыбок и слез.
Ах, все исходил дороги
со мною немощный пес.

Обветшала грустная келья,
скуден мяса кусок.
И его в печальном весельи
куда-то пес уволок.

И смерть к нему руки простерла...
Оба мы скорбь затаим.
Не знал я, как хрупко горло
под ошейником медным твоим.

1914 г.

⟨Э. Паперная⟩

Максимилиан Волошин

Псу-супостату, взалкавшему мясо!
Зри, на себе раздираю я рясу
И проклиная тебя я теперь,
Зверь нечувствительный, неблагодарный,
Тать, сластолюбец, лукавый, коварный,
Скверны исполненный, мерзостный зверь.
Буду судиться с тобою я ныне:
Мать родила тебя ночью в полях,
И, о тебе не заботясь, о сыне,
Пуп не обрезала, и не омыла,
И не посолила, и не повила,
Бросила ты на поправление в прах.
Сукой забытый щенок беспризорный,
Был уготован ты смерти позорной.
Я ж тебе молвил: живи во крови.
Жалости полный, слезою Рахили
Вымыл, покрыл тебя епитрахилью
И сочетался с тобою в любви.
Шерсть расчесал твою, блох уничтожил,
У очага разостлал твою ложе,
В пищу дарил тебе лучший кусок.
Ты ж возгордился, безумный щенок,
Сам непомерной облек себя властью,
Полный желаний беспутных, больных,
И распался нечистою страстью
К изображениям на мясных.
И, насбивав в околотке паршивых
Псов, доброты моей не оценя,

Ты, блудодейственный, ты, похотливый,
Мясо украл у меня, у меня!
Гнев изолью, истощу свою ярость,
Буду судиться с тобой до конца,
Семя сотру, прокляну твою старость,
От моего не укрыться лица.
Ты не избежешь положенной кары,
Шею подставлю твою под удары,
Поволоку тебя сам на позор,
Сам подыму на тебя я топор,
Прах орошу искупительной кровью,
Ибо тебя возлюбил от всех псов я,
Больше Барбоса и больше Жужу.
Полный страдания, ныне гляжу
Я на твои неизбывные муки,
Но не опустятся грозные руки,
Ибо я полн справедливости, пес,
Ибо я правды нездешней орудье,
Ибо свершаю не месть — правосудье,
Ибо ты мясо иерея унес...

1917 г.

⟨А. Финкель⟩

Василий Каменский

Жил поп мордастый
и пес зубастый
в ладу, как всякие скоты,
и даже выпили на «ты».
Какую ж кличку,
какую ж кличку
псу подарил расстрига поп?
«Сарынь на кичку,
сарынь на кичку,
паршивый пес, ядреный лоб».
Пес заворчал —
«с костями баста,
добуду мяса, коль я не трус».
И тотчас в кухне заграбастал
он у попа
огромный кус.
Поп увидал, что кус похищен,
и ретивое сдержать не смог.
«Подлец ты,
шельма,
голенище!
Полкварты дегтя лаптем в бок!»

1918 г.

⟨А. Розенберг⟩

ПЕРВЫЙ ЖАЛОСТЛИВЫЙ РАССКАЗ

А я вам, гражданочка, прямо скажу: не люблю я попов. Не то чтобы я к партии подмазывался, антирелигиозного дурману напускал, но только не люблю я духовной категории.

А за что, спросите, не люблю? За жадность, за скаредность, — вот за что. И не то чтоб я сам мот был или бонвиван какой, но вот судите сами, какие от попов могут поступки происходить.

Живет с нами на одной лестнице духовная особа, Николо-Воздвиженского приходу священник. Собачка у них имелась, не скажу чтобы очень благородного происхождения, да ведь главное-то не лягавость эта самая, а характер.

А характер у ней, надо сказать, замечательный был, ну, просто сказать, домовитая собачка была, не гулена какая-нибудь дворянская.

И стали мы примечать, что собачка худеть начала. Ребра, знаете, обозначаются, и на морде грусть. Одно слово — плохое питание и обмен веществ.

Стали мы духовной особе замечания говорить, не по грубости, конечно, а по-деловому:

«Так, мол, и так, вы бы, товарищ, служитель культа, собачке вашей мясной паек увеличили, худает собачка ваша, как бы и вовсе не сдохла».

А духовная особа проходит равнодушной походкой, будто и не ее это касается.

Только гляжу, в понедельник утром возле помойной ямы собачий труп валяется. Ножки тоненькие свесились,

шерсточка в крови, а ухо-то, знаете, вроде каблуком придавлено.

Тоска меня взяла — очень уж приятная собака во дворе была, на лестнице никогда не гадила. Стал я у дворника справки наводить, как да что да неужто песик своею смертью от плохого питания помер.

И узнали мы, гражданочка, что духовное лицо своими руками собачку уничтожило за паршивый, извиняюсь, кусок мяса. Съела собачка мясо обеденное, а мясу тому, простите, кукиш цена.

Обида меня взяла, гражданочка, скажу вам, до смерти.

И хотите — обижайтесь, хотите — нет, а я вам открыто скажу: не люблю я духовной категории.

1923 г.

⟨Э. Паперная⟩

I

У попа была собака,
Всех была она ему милей.
Звали ту собаку,
Псину-забияку

Ли-

хо-

дей.

Пошел попик на базар
И купил там самовар,
Самоварчик новый,
Двадцатилитровый,
Самоварчик новый —
Ай-я-я!

Фирмы «Баташов и
Сыновья».

Нынче своей псине,
Псине-собачине,
Справит именины

Поп

Евтроп.

II

Попик счастлив, попик рад:
Именинный стол богат.
Редька, репа, помидоры,
Огурцов с капустой горы;
Густо, густо, густо, густо

Там навалено капусты;
И салат и майонез —
Просто чудо из чудес;
Сто фунтов шоколада,
Сто фунтов мармелада
И тысяча порций мороженого.

III

Только смотрит Лиходей
С точки зрения своей:
Что за мерзостный обед —
Ни костей, ни мяса нет;
Даже сало убежало,
Утекло средь бела дня,
И ватрушка, как лягушка,
Ускакала от меня.
Но себя в обиду я не дам,
Позабочусь о себе я сам.

IV

А потом как зарычит,
Да хвостом как застучит,
Да на погреб он бегом
За свиной, пирогом
И хозяину назло
Слопал мяса два кило,
И колбаски три кружка,
И четыре потрошка,
А потом, набравшись сил,
Жирным салом закусил.
Ешь, ешь, Лиходей,
Ты попа не жалея —
Этот старый скаред
Нам еще нажарит!
Как узнал об этом поп,

Он нахмурил гневно лоб:
Ах, разбойник, ах, злодей,
Ты мазурик, Лиходей!
Старый, грозный поп, поп
Сапогами топ, топ,
А рукою ловкой
Крепкую веревку
Затянул на шее
Вора — Лиходея.
Гибни, гибни, гибни, плут, —
Вот теперь тебе капут!

Убив Лиходея, поп бородатый
Выкопал яму железной лопатой,
И в яму закопал,
И надпись написал,
Что:
У попа была собака
И т. д.

1924 г.

⟨А. Финкель⟩

ГИБЕЛЬ СОБАКИ

Глава первая,

в которой пока еще ничего не говорится и которая, в сущности, совсем не нужна. Попутно читатель узнает о том, какие галстуки предпочитает старший клерк фирмы «Плумдинг и Сын» Реджинальд Хавтайм.

Глава вторая,

пожалуй, немного короткая, но достаточно ясная. Здесь впервые появляется патер Круцификс и его любимая собака.

Глава третья,

из которой читатель почерпает много полезных сведений. Так, например, здесь неопровержимо доказывается тот важный факт, что у собак желудочный сок вырабатывается независимо от вздорожания мясных продуктов на международном рынке.

Именно этот факт послужил толчком к написанию

Главы четвертой,

где описывается печальная участь шнитцеля по-венски, предназначавшегося на завтрак патеру Круцификсу. В этой главе патер должен убить собаку за воровство, но убийство переносится в

Главу пятую,

на которую автор просит читателя перенести все свое внимание. Здесь читатель убедится, что горячая любовь нередко переходит в такую же горячую ненависть, когда к любви примешивается голод. Патер Круцификс убивает свою собаку, съевшую шнитцель по-венски.

В главе шестой, и последней

повествуется о том, что эта глава, в сущности, не нужна, так же как и первая, и что знаменитая хиромантка Фелиция Клистирстон предсказала автору, что он умрет в 1999 году.

Берлин,
кафе «Швецер»,
1925 г.

⟨Э. Паперная⟩

И. Заболоцкий

С брюхом, выстеленным ватой,
Сам плешив, но длинновлас,
С бородой продолговатой —
Кто из нас прищурил глаз?
То — духовная особа,
Поп, являющий собой
Спеси, алчности и злобы
Тонко смешанный настой.

Кто бежит за ним трускою,
Жарко вывалив язык,
С вислоухой головою,
Шерстяною, как башлык?
То животное — Собака
По прозванию Кабысдох
Был попом любим. Однако —
Впал в немилость и заглох.

Он за то попал в опалу,
Что имел отменный вкус
И в кладовке съел немалый
Тучный, сочный мяса кус.
Холмик есть в саду Нескучном,
А на нем зеленый мох.
Там зарыт собственноручно
Тем попом благополучно
Убиенный Кабысдох.

1930 г.

⟨Э. Паперная⟩

Михаил Исаковский

(ранний)

Детство мое бедное, горькое, сиротское!
Помню избы черные, мельницу с прудом
И отца Гервасия, батюшки приходского,
Крытый тесом, каменный двухэтажный дом.

Рыженького песика, Шарика кудлатого,
Баловня поповского, вижу пред собой,
Как на зорьке утренней лета благодатного
Из мясного погреба он летел стрелой.

А за ним с увесистой палкой суковатою,
В длинной рясе путаясь, мчался грозный поп.
Кровь смочила травушку, росами богатую, —
Угодила Шарика палка прямо в лоб...

Яму рыл я в садике у отца Гервасия:
Поп велел мне Шарика глубже закопать,
А могилку скромную надписью украсил он:
«Горе псу, посмевавшему мясо воровать!»

С той поры поповское племя окаянное,
Жадин долгогривых я видеть не могу...
Ой, заря багряная, ой, роса медвяная,
Детство мое бедное, где же ты, ау!

1937 г.

⟨Э. Паперная⟩

Бывший поп, а сейчас ничто, Кузьма Кузьмич Нефедов вполз в вырытую им яму для себя и Даши землянку и сразу же из брошенного в угол вещевого мешка вытащил несколько книг, с которыми никогда не расставался, — 12 томов «Истории государства Российского» Карамзина, 19 томов «Истории России с древнейших времен» Соловьева, 4 тома «Русской истории» Ключевского и «Русскую историю в самом сжатом очерке» Покровского — и быстро-быстро начал читать. Целых 36 минут бегал он блестящими и невидящими глазами по страницам, пока не одолел их, бормоча:

— Да, душенька, да, Дарья Дмитриевна, яблочко сладкое, но незрелое. Не знаете вы народа нашего. А ведь знакомец ваш, поэт Бессонов, которого так оболгал сочинивший всех нас автор, мудро сказал: «Умом России не понять, аршином общим не измерить». Верно это: уезд от нас останется — и оттуда пойдет русская земля. А сейчас хорошо бы поесть для веселья души и тела, поесть-покушать эссен-фрессен, манже-блаланже, или, как говорили мы в семинарии, доводя до крайностей ирритации отца келаря, шамо-шамави-шаматум-шамаре. Кстати же где-то на полочке и кусок мяса лежать должен, а сейчас с речки и Дарья Дмитриевна придет, после купанья голодная.

Однако на полочке, кроме неизвестно как туда попавшей трехфунтовой гирьки, ничего не было. Но зато ясно видны были следы собачьих лап, недвусмысленно показавшие, чьих рук это дело. Хозяйка этих лап, попова собака Бур-

бос, помесь меделяна с левреткой, тихо лежала в углу, разомлев от нечаянной сытости.

— Так, так, — сказал Кузьма Кузьмич, — я прочел огромную массу книг и в одной из них вычитал: «Блажен, иже и скоты милует». Но стоишь ли ты милованья, скот Бурбос? Ты ведь помнишь, что сказал Ричард Бринсли Шеридан: «Когда неблагодарность острит жало обиды, рана вдвойне болезненней». Вот и меня острит жало обиды. Я ли тебя не любил, я ли тебя не кормил? А ты? Не могу снести этого, Бурбошка! Вспомни, Бурбосе, эпитафия к «Анне Карениной»: «Мне отмщение, и аз воздам». Так иди сюда, собака!

Ничего не подозревая, Бурбос подошел к попу, и тут же точный удар трехфунтовой гирьки свалил его мертвым.

— Да, Бурбошка, — сказал, вздохнув, Кузьма Кузьмич, — вот и стал ты разгадкой Самсоновой загадки: «Из ядущего вышло ядомое, а из сильного сладкое». Был ты ядущим, а теперь быть тебе ядомым.

Когда Даша вошла в землянку, Кузьма Кузьмич поджаривал на Бурбосовом жиру его же печенку, фальшиво при этом напевая:

— У попа была собака, он ее любил.

Но Дашу это не раздражало; до встречи с Телегиным оставалось всего две главы.

1941 г.

⟨А. Финкель⟩

Семен Кирсанов

ПРО ПОПА И СОБАКУ СКАЗАНИЕ ЧИТАТЕЛЮ В НАЗИДАНИЕ (невысокий раек)

Сие сказанное мое гишпанское, игристое, как шампанское, не сиротское и не панское, и донкихотское, и санчопанское. Начати же ся песне той не по замышлению Боянову, а по измышлению Кирсанова, того самого Семы, с кем все мы знакомы. Раз-два, взяли!

У Мадридских у ворот
Правят девки хоровод.
Кровь у девушек горит,
И орут на весь Мадрид
«Во саду ли, в огороде»
В Лопе-Вежьем переводе.

Входят в круг молодчики,
Хороводоводчики,
Толедские, гранадские,
Лихачи Кордовичи.
Гряньте им казацкую,
Скрипачи хаймовичи!

Вот на почин и есть зачин и для женщин, и для мужчин, и все чин чином, а теперь за зачином начинаю свой сказ грешный аз.

Во граде Мадриде груда народу всякого роду, всякой твари по паре, разные люди и в разном ладе, вредные дяди и бледные леди. И состоял там в поповском кадре поп-

гололоб, по-ихнему падре, по имени Педро, умом немудрый, душою нещедрый, выдра выдрой, лахудра лахудрой. И был у него пес-такса, нос — вакса, по-гишпански Эль-Кано. Вставал он рано, пил из фонтана, а есть не ел, не потому что говел, а потому, что тот падре Педро, занудре-паскудре, был жадная гадина, неладная гадина, сам-то ел, а для Эль-Кано жалел.

Сидел падре в Мадриде. Глядел на корриду, ржал песню о Сиде, жрал олла-подриде, пил вино из бокала, сосал сладкое — сало, и все ему мало, проел сыр до дыр, испачкал поповский мундир.

Вот сыр так сыр,
Вот пир так пир.
У меня все есть,
А у таксы нема,
Я могу все есть
Выше максимума.

Ох и стало такое обидно, ох и стало Эль-Кано завидно, и, не помня себя от злости, цапанул он полкости и бежать. Произнес тут нечто падре про собачью мадре, что по-ихнему мать, схватил тут дубинку и убил псих псинку, и в яму закопал, и надпись надписал, что во граде Мадриде падре в тесноте и обиде от такс. Так-с! Ну и дела — как сажа бела!

А нас счастье не минь, а Педро аминь, а критика сгинь!
Дзинь!

1964 г.

⟨А. Финкель⟩

Новелла Матвеева

Какой смешной случай,
Какой сюжет старый!
Попу был друг лучший
Любимец пес Карый.
Но поп — гроза в рясе.
На пса огонь молний.
А дело все в мясе
Из кладовой полной.
Свиные в ней туши
Грузней земной суши.
Тугих колбас кольца
Круглы, как диск солнца.
И съел-то пес малость —
Всего один ломтик,
Но поп, придя в ярость,
Сломал о пса зонтик.
Кричал, глаза пуча:
«Издохни, вор гнусный!»
Какой смешной случай,
Какой финал грустный!

1964 г. 〈Э. Паперная〉

Булат Окуджава

Стояла во дворе хибарка,
В хибарке поп Харламов жил,
А у попа была овчарка,
И он ее, как водится, любил.
 Она была красавица собака.
 И он ее, товарищи, любил.
А на столе лежал кусок грудинки,
И лампочка светила над куском.
Овчарка проглотила слюнки,
И в комнате запахло воровством.
 Собака съела мясо без заминки,
 А мясо, между прочим-то, с душком...
Овчарке воздержаться бы, ребята,
Да, что ли, не хватило бедной сил...
А поп со зла покрыл собаку матом
И тем ее, товарищи, убил!
 А ведь она ни в чем не виновата:
 Ведь он ее, скупяга, не кормил.

1965 г.

⟨Э. Паперная⟩

II КОЗЛЫ

*Жил-был у бабушки серенький козлик.
Вот как, вот как, серенький козлик.*

* * *

*Бабушка козлика очень любила.
Вот как, вот как, очень любила.*

* * *

*Вздумалось козлику в лес погуляти.
Вот как, вот как, в лес погуляти.*

* * *

*Напали на козлика серые волки.
Вот как, вот как, серые волки.*

* * *

*Оставили бабушке рожки да ножки.
Вот как, вот как, рожки да ножки.*

СТАРОФРАНЦУЗСКАЯ БАЛЛАДА

Старушка раз в лесу жила,
э лон алле, э лон алле,
старушка раз в лесу жила,
и козочка у ней была.

* * *

Однажды в лес ушла коза,
э лон алле, э лон алле,
однажды в лес ушла коза,
куда глядят ее глаза.

* * *

В лесу ее встречает волк,
э лон алле, э лон алле,
в лесу ее встречает волк
и козочку зубами щелк.

* * *

Ах, не придет она назад,
э лон алле, э лон алле,
ах, не придет она назад,
лишь рожки с ножками лежат.

1281 г.

⟨А. Финкель⟩

Симеон Полоцкий

Благородніи, благочестивіи,
государи премилостивіи.
О козлі и старусі рчь будеть наша,
аки вещь живу узрить милость ваша.
Старуха древня въ градъ нъкоемъ бяша,
козлові брадата вельми любяша.
Але взалкалось тому козляти
во темніи лъси ийти гуляти.
Худый обычай у волковъ бываетъ,
козлові узря, его терзають.
Увы, увы, и козі и розі
козлові убита лежатъ на дорозі.
Юнымъ се образъ старъейшихъ слушати,
на младый разумъ свой не уповати.

1637 г.

⟨А. Финкель⟩

Любезный читатель! Сколь приятно и умирительно сердцу видеть дружбу двух существ любящих. Всей чувствительной натурой своей бедная старушка любила серенького козлика; знайте же, грубые сердцем, что и крестьянки чувствовать умеют.

Но увы! Сколь часто неблагодарность, сия змея, на груди человеческой отогретая, свивает себе гнездо в душах существ обожаемых.

Сей серенький козлик был склонен более к опасностям жизни бурной, нежели к прелестям мирного существования селянина на лоне сладостной Натуры под кущами зеленых садов, среди цветущих деревьев и приятного ручейков лепета.

В чаще непроходимых дубрав нашел наш серенький козлик погибель свою от острых когтей и зубов косматого чудовища лесов Гиперборейских — серого волка. Лишь в знак любезной памяти дружбы и умиления сердечного оставило оное чудовище бедной старушке, горькие слезы в тиши ночной проливавшей, рожки и ножки существа, столь горячо любимого и столь печально погибшего.

1803 г.

⟨Э. Паперная⟩

И. А. Крылов

У старой женщины, бездетной и убогой,
Жил козлик серенькой, и сей четвероногой
В большом фаворе у старушки был.
Спал на пуху, ел сытно, пил допьяна,
Вставал за полдень, а ложился рано:

Ну, словом, жил
и не тужил.

Чего же более? Но вот беда —
Мы жизнью недовольны никогда:
Под сению дерев на вольной воле
Запала мысль козлу прогулку совершить,
И, не раздумывая доле,
В соседний лес козел спешит.
Он только в лес — а волк из лесу шасть!
В глазах огонь, раскрыл грозящу пасть —
И от всего козла осталось немножко:
Лишь шерсти клоч, рога да ножки.

Сей басни смысл не трудно угадать:
Не бегай в лес, коль дома благодать.

1811 г.

⟨Э. Паперная⟩

Одна в глуши лесов сосновых
Старушка дряхлая жила,
И другом дней своих суровых
Имела серого козла.
Козел, томим духовной жаждой,
В дремучий лес ушел однажды;
И растерзал его там волк.
Козлиный глас навек умолк.
Остались бабушке лишь ножки
Утехою минувших дней,
И память о козле больней,
Лишь поглядит на козы рожки.
Одна, одна в лесной глуши
Тоскует о козле в тиши.

1827 г.

〈А. Финкель〉

Козьма Прутков

Некая старуха к серому козлику любовью воспылала и от одного козлова присутствия весьма большое удовольствие получала.

Реченный же козлик, по природе своей весьма легковетрен будучи и по младости лет к прыжкам на вольном воздухе склонность имея, в лес от старухиных прелестей умчался. А как известно, в лесу волки серые обитая и духу козьего не вынося, козлику тому внезапную смерть учинили. Старухе же ножки козлиные и рожки козлиные же в презент оставили.

1862 г.

〈Э. Паперная〉

А уж кто бы нам песню-былину завел,
Чтоб забыть и печаль и нелады.
Как живали старуха и серый козел.
Ой, ладо, ой, ладушко ладо!

Миловала старуха серого козла.
Как свое ненаглядное чадо.
Да любовью козла удержать не смогла.
Ой, ладо, ой, ладушко ладо!

Захотелось козлу в темный бор на простор:
«Мне без воли и жизни не надо».
Да сулил, видно, козлику гибель тот бор.
Ой, ладо, ой, ладушко ладо!

Волки рыщут в лесу, как нечистая рать,
Разорвали старухи отраду,
Удалось только рожки да ножки собрать.
Ой, ладо, ой, ладушко ладо!

1862 г.

⟨Э. Паперная⟩

Над усталой землей пролетела весна,
Разливая цветов аромат.
Безутешна старушка, рыдает она.
Так мучительно плачет лишь мать.

Счастья дни пролетели, как сон золотой,
И тот козлик, что был так любим,
Не вернется к душе ее скорбной, больной,
Он в лесу уж лежит недвижим.

Как бушующий вал, серый волк налетел,
И, как ветер цветок, смял козла.
Только рожки да ножки он тронуть не смел.
И рыдает от скорби земля.

1880 г.

⟨Э. Паперная⟩

К. Д. Бальмонт

В искрах лунного сиянья
сквозь лучей его мерцанье
вижу смутно очертанья
я старушки и козла.
Пьют любви до края чашу
все слияннее и краше,
но козла в лесную чашу
злая сила увлекла.

Волки мчат во мраке ночи,
это искрятся их очи,
в час глубокий полуночи
козлик в жертву принесен.
На траве белеют ножки,
козьи ножки, козьи рожки,
и старушка по дорожке...
...Старый, милый детский сон.

1899 г.

⟨А. Розенберг⟩

Семен Юшкевич

Старая Ита была очень бедная женщина, и козлик у ней был, ой так это же мармелад, антик марэ, что-то особенное, а не козлик! Ой, как Ита его любила! Как свое дитё она его любила. Но, как говорится, козла сколько ни люби, а он все в лес смотрит. Ну, так он убежал. В лес убежал. Гулять ему захотелось. А в лесу, думаете, что? Волки, уй, какие волки! Серые, страшные, с зубами. Разве они имеют жалость к еврейскому козленку? Ну, так они его таки да съели. Только рожки да ножки остались. Ой, как Ита плакала! Как малое дитё она плакала.

1903 г.

〈Э. Паперная〉

Сергей Городецкий

Стоны-звоны, перезвоны,
дили-дон, колокола.
Стены выбелены бело.
Мать игуменья имела
длиннорогого, серого, тонконового козла.
Ах, леса мои родные,
зелень-кудри купола,
вы раскройтесь, вы впустите,
спрячьте серого козла.
Надоело бегать зря
по лугам монастыря.

Ой, хрипело, ой, хрустело,
волка зелены глаза;
повалили, раскрошили,
словно дерево гроза,
повалили, раскрошили,
только ножки пощадили.
Только ножки да рога
мать игуменья собрала.
Жарко свечка запылала,
свечка чиста четверга.

1907 г.

⟨Э. Паперная⟩

Алексей Ремизов

Смрад от козла пошел.

Пахкий, жёлтый смрад. Загозила старуха: «Ух, хорошо. Люблю».

А козел бычится, копытом в брюхо: «Уйду я от тебя, на-янила ты мне. В лесу шишки сосновые, дух зёмный, ярый».

Убег,

копытами зацыкал, аж искры пых, пых.

А в лесу волк сипит, хорхает, хрякает, жутко, жумно, инда сердце козлятье жажкает.

Заскрыжил волк зубом; лязгавый скрип, как ржа на железе.

Хрякнул,

хрипнул,

мордой в брюхо козлятье вхлюпнулся, — кровь тошная, плевкая, липкая.

Гонит старуха, рыдом ревет, рожки да ножки козлятьи собирает,

тонкие, неуёмные...

1909 г.

⟨Э. Паперная⟩

Саша Черный

Убивалась старуха над козликом серым
(Плачь, чтоб тебя разорвало!).
Рожки целует (ну и манеры...)
Тьфу, даже мне жалко стало.

И чего смотрела старая дура?
Убежал ведь под самым носом.
Ну, а в лесу, брат, волки не куры,
Неприкосновенность личности у них под вопросом.

Любила, отдавала последнюю крошку
Да волкам козла и скормила.
Оставили бабушке рожки да ножки.

.....
С волчьей стороны и это очень мило.

1910 г.

〈Э. Паперная〉

Виктор Гофман

Был старый дом, дом обветшалый,
был старый дом меж темных лип,
там, где река образовала
свой самый выпуклый изгиб.

Где старый дуб шептался глухо
и флиртowała с ним лоза.
А в доме том жила старуха
и с нею серая коза.

Коза казалась изваяньем
иль отражением небес.
Томима сладостным желаньем,
она ушла однажды в лес.

Был серый волк меж лип старинных,
жестокий волк среди дубов,
и близость чьих-то длинных, длинных
красиво загнутых рогов.

Мерцали розовые ножки
на свежей утренней траве,
и жалобно висели рожки
среди окровавленных ветвей.

1911 г.

⟨А. Финкель⟩

Анна Ахматова

Я у бога просила, старая:
Сохрани мне козлика, господи!
За здоровье его много слез поди
Пролила я ночами, старая.

Но ушел от меня мой серенький,
Не взглянул даже, как я плакала.
Лишь цепочка на шейке звякала,
Когда в лес убегал мой серенький.

А ведь чуяло сердце вещее,
Что печаль мне от бога завещана —
Видеть рожки его ветвистые
Да копытца, когда-то быстрые.

1912 г.

〈Э. Паперная〉

Игорь Северянин

У старушки колдуньи,
крючконосой горбуни,
козлик был дымно-серый, молодой, как весна.

И колдуньино сердце
в тихо грезовом скерцо
трепетало любовью, как от ветра струна.

На газоне ажурном
златополднем пурпурным
так скользяще-томно козлик смотрит на лес.

Как мечтать хорошо там,
сюпризерным пилотом
отдаваясь стихийно тишине его месс.

Ах, у волка быть в лапах
и вдыхать его запах —
есть ли в жизни экстазней, чем смертельности миг.

И старушке колдунье,
крючконосой горбунье,
подарить импозантно лишь рогов своих шик.

1913 г.

〈Э. Паперная〉

Владимир Маяковский

Скрипела старуха,
телега словно,
кха,
 кхо,
 кхе,
 кхи.

Великолепно мною уловлены
старухины все грехи.
Дрянной старухиной
хаты возле
разрушенный
был
 хлев.

Маленький, миленький серенький козлик
валялся там на земле.
Вздумалось козлику в лес погуляти —
какое же дело мне.
Но я, старуха,
аккумулятор
загубленных козьих дней.
А мне, козлы, те, кого обидели,
всего роднее и ближе.
Видели,
как собака бьющую руку лижет?
Напали на козлика серые волки,
душу кровью облив.
Встала дыбом
испуганным, колким

седая щетина земли.
Остались бабушке рожки да ножки.
Теперь ей козе какой?
В алтаре
альтами
звезды крошки
с о свя - ты - ми у - по - кой!

1913 г.

〈А. Финкель〉

А. Н. Вертинский

Куда же вы ушли, мой серенький, мой козлик,
с бубенчиком на лбу и с лентой на рогах?
Грустит ваш сад. Наннет-старушка плачет возле
об умершей любви, о майских прошлых днях.

В последний страшный час я видел вас так близко,
в далекий темный лес вас мчал кабриолет.
Под тяжестью волка потом вы пали низко,
лишь ножки и рога оставив для Наннет.

1916 г.

〈Э. Паперная〉

Сергей Есенин

Рязанские лощины,
коломенская грусть.
Одна теперь в долине
живу я и томлюсь.

Козел мой златорогий
гулять умчался в лес.
И свечкой четверговой
горел окрай небес.

Рычали гневно тучи,
мотали головой,
уступы тьмы дремучей
глotalи тучий вой.

Я проклиная Китеж
и тьму его дорог,
восстал бездонный вытяж,
разорван козий бог.

Стучали волчьи зубы
в тарелки языков.
Опять распят, погублен
козлиный Саваоф.

О, лебедь гнутых рожек
и ножек серый гусь.
Рязанские дорожки,
коломенская грусть.

1919 г. 〈А. Финкель〉

Марина Цветаева

Вчера лишь нежила козла, —
Слиянье черного и белого,
А нынче я уж не мила —
«Мой козлик, что тебе я сделала?»

Вчера еще в ногах лежал,
Взаимно на него глядела я,
А нынче в лес он убежал —
«Мой козлик, что тебе я сделала?»

И серым волком в злом бору
Похищенное, похищенное,
Ты, счастье мое, ни тпру,
Ни ну — сожратое, сожрённое.

И только ножки да рога,
Вот — ножки да рога успела я
Прибрать от зверского врага —
«Мой козлик, что тебе я сделала?»

Как жить теперь — в сухом огне?
Как в степь уйти заледенелую?
Вот что ты, козлик, сделал мне!
«Мой козлик, что тебе я сделала?»

1924 г.

⟨А. Финкель⟩

Борис Пастернак

ВАРИАЦИИ БЕЗ ТЕМЫ

Старуха. Домик. Хлев и серый козлик.
И ничего. И к козлику любовь,
Что каждый мускул мускусом пронизет,
Мускатным шумом пенным, как прибор.
И небо грузным куполом соборным
Над бором, взбросившим, как бровку, вверх
Фестоны темные бессонных сосен.
И ничего. Старуха. Козлик. Лес...
Рвалась на волю волн озонных жажда
Сплошным «ме-ме»: туда, туда. бы, в бор!
Играя в прятки перед тем, как прыгнуть,
В бору мечась, волчком вертелся волк!
И призмой слез уже в глазах козлиных
Расколот мир на эллипс и на ромб...
Козленка нет. Старуха, хлев и домик.
Рога и ножки. Больше ничего.

1927 г.

〈Э. Паперная〉

Илья Сельвинский

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Козлик, конечно, тоже пушной зверь,
Как, скажем, сайгак или кабарга,
Но любила его не за это, поверь,
Дряхлая старуха, старая карга,
А просто ей нравилось, что (у, такие зюзики!)
Мягкие, пушистые, серенькие пузики.

Раз козлик пошел погулять в лес,
И тут начались всевозможные толки,
Но как бы то ни было — козлик исчез,
Напали на козлика серые волки.
А всякие шухи да перешухи —
То лишь одни неясные слухи.

Конечно, был бы я Киплинг Редьярд,
Я знал бы, что волк рассказал волчихе.
Да где уж нам уж — и за миллиард
Не разберусь я в этой неразберихе,
Скажу лишь то, что знал еще крошкой:
Оставили бабушке рожки да ножки.

1933 г.

⟨А. Финкель⟩

Самуил Маршак

Жила-была бабушка,
А сколько ей было лет?
Сколько зим, столько лет —
Ста еще нет.
А было ей девяносто четыре года.
А кто у нее был?
Серый, двурогий, четвероногий.
Козленок.
А как она к нему относилась?
А вот и не относилась,
А без конца с ним носилась,
Бабушка козлика очень любила,
Вот как, вот как, очень любила.
Вздумала бабушка козленка прогуливать:
Мы дадим козленку
Мягкую попонку,
Мы дадим на ножки
Новые сапожки,
ДДТ на рожки,
Чтоб не грызли блошки.
А сама запахнула халат
И пошла готовить салат.
Возвращается —
Ни козленка, ни попонки,
Ни сапожек не видать,
А двурогий, двудвуногий
В лес умчался погулять.
Не было в том лесу ни одной елки,

Но зато были серые волки.
А голодные волки очень грубы,
А у этих волков острые зубы.
Напали на козлика серые волки.
Вот как, вот как, серые волки.
Заплакал козленок тонко-тонко,
А волки сорвали с него попонку,
Загрызли козленка лесные подонки,
Вот и пришел конец козленку.
А на память о бедной съеденной крошке
Оставили бабушке рожки да ножки,
Вот как, вот как, рожки да ножки.

1928 г.

〈А. Финкель〉

Ф.-Г. Лорка

О старухе, в козла влюбленной,
Звонкое сердце, пой!
Волос ее — зеленый,
Голос ее — голубой!

В четыре часа пополудни
Козлик ушел в лес.
В четыре часа пополудни
Солнце ушло с небес.

Колючие пальмы — елки
Стоят фалангою свеч.
Колючие шельмы — волки
Сгрызли голову с плеч.

Кривые козлиные рожки
Раскинулись крючьями рек.
Прямые козлиные ножки
Навек прекратили бег.

Про рожек еще пару,
Про четыре пары копыт
Слушаю плач гитары —
Стонет, дрожит, звенит.

Каморка. Горькая корка,
Санто Карбон¹ на стене.
Федерико Гарсиа Лорка,
Спой, сынок, обо мне!

1930 г.

⟨А. Финкель⟩

¹ По-испански — святой Козел.

И. Бабель

В глубине двора, распираемого пронзительными запахами лука, мочи, пота и обреченности, полуслепая бабушка Этка колдовала над сереньким козленком. Багровое лицо ее, заросшее диким мясом и седой щетиной, хищно склонялось над лунными зрачками, негнущиеся распухшие пальцы шарили под замшелым брюхом, ища вымя.

«Дурочка, — страстно бормотала Этка, — куда ты спрятала остальные титьки, рахуба несчастная?» Розовые глаза козленка застенчиво мигали.

«Молодой человек, — строго сказала мне Этка, — знайте, что если бог захочет, так выстрелит и веник. Пусть они мне продали не козу, а козлика, все равно я его люблю, как свое дитя люблю!»

Прошел месяц. Весна текла над нашим двором, как розовая улыбка. В ликующих лучах малинового заката навстречу мне сверкнули перламутровые бельма старой Этки. Она несла в грязном переднике козлиные рога и ножки и скорбно трясла седой головой.

«Молодой человек! — крикнула она страстно рыдающим хриплым голосом. — Я вас спрашиваю, где бог? Где этот старый паскудник? Я вырву ему бороду! Зачем он наплодил волков, хвороба на них! Они съели моего козленка, мое сердце, мою радость: он убежал в лес, как дурачок, а они напали на него, что это просто ужас!»

Я молча отошел в сторону, давая излиться этому гейзеру скорби.

Н. Олейников

Старенькая бабушка с козликом жила,
Серенького козлика «лапушкой» звала,
Мыла его мылом, чесала гребешком,
Питала витаминами и сладким творожком.
Но приелся козлику бабушкин уют,
В чаще хвойно-лиственной он нашел приют,
Где от волка серого был ему капут.

И остались бабушке, как утильсырье,
Рожки-ножки бывшего козлика ее.
Кружечка, боченочек, метелочка, совок,
Ты — моя козленочек, а я — твой серый волк.
Торопись, красавица, волка полюбить,
Если тебе нравится съеденною быть.

1934 г.

⟨Э. Паперная⟩

Александр Прокофьев

Вычегда, Мычегда, Тычегда, Гзёл!
Жил-был у бабушки серый козел.
Кондовой земли первозданная сила!
Бабушка козлика очень любила.
Старуха на ять и козленок на ять!
Вздумалось козлику в лес погулять.
Хвощи, гонобобель, палки да елки!
Напали на козлика серые волки.
Позарастали стежки-дорожки,
Остались бабушке рожки да ножки.
Вычегда, Мычегда, Тегра, Оять!
Вспомнила бабушка волкову мать...

1939 г.

〈А. Финкель〉

Александр Твардовский

В стороне родной Смоленской,
За околицей села,
В бедной хате деревенской
Бабка старая жила,
Да по слабости по женской
Завела себе козла.
И на серого любимца
Надышаться не могла.
Знать, недаром говорится,
Что любовь бывает зла:
Мол, как сердце разгорится,
Так полюбишь и козла.
Козлик, даром что скотина,
Заскучал не без причины
(Примечай, куда я гну):
Род козлиный — что мужчины,
Подавай им новизну.
Не мила изба родная
И двора того не жаль,
Где от самого от края
Открывалась даль степная,
А за ней лесная даль.
Вот он, лес! В строю могучем
Встали сосны, словно полк,
А из чащи из дремучей
Злой бедою неминучей
Тут как тут явился волк.

.

Бабка следом, что есть духу,
Прямо в лес. Ни боже мой!
Рожки козлика старуха
Унесла к себе домой
И омыла их, горюха,
Горькой бабьею слезой..
«На старуху есть проруха» —
Было сказано не мной.

1946 г.

⟨Э. Паперная⟩

А. Барто

Наша бабка горько плачет:
— Где мой козлик? Где он скачет?
Полно, бабка, плачь не плачь —
В лес умчался твой рогач.
А живут в лесном поселке
Живодеры, злые волки,
И напали на него
Ни с того и ни с сего.

Повалили Козю на пол,
Оторвали Козе лапы,
Сгрызли спинку, шейку, грудь —
Козю нам уж не вернуть.
Тащит бабка по дорожке
Козьи ножки, козьи рожки...
— Ни за что я их не брошу,
Потому что он хороший.

1946 г.

〈А. Финкель〉

Андрей Вознесенский

Старушка в чепце из оборок гофре
(Такой бы писал ее Рембрандт ван Рейн)
Ласкала козленка, тая под фуфайкой
Не сердце — любовью пылающий факел.
А серенький козлик, двойник сюрреальный
Трагической козочки у Эсмеральды,
Томился от скуки в домашнем кругу
И дал стрекача, описавши дугу,
В тот бор густорослый, где в поисках пищи
Похабная морда, матерый волчище,
Кошмаром из Гойиной фантазмагории
Шнырял втихаря по лесной территории.

Его носище гнусный
Унюхал на ходу
Заманчивый и вкусный,
Козлиный терпкий дух.
А зубы, зубы волчьи
Ой до чего остры!
О, как он хряпал молча,
Как чавкал, рвал и грыз!

А рожки и ножки не смог одолеть,
Оставил старушке на память, подлец...
О хищники, гады, я вас ненавижу!
Нет, в жизнь ненадолго вам выдали визу:
Ни счастья, ни сна, ни покоя мне нету,
Пока мы от вас не очистим планету.

1959 г.

⟨Э. Паперная⟩

СобираТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ-ПЕСЕННИК

За курганами в дальней избушке
(До заставы четыре шага)
Козлик серенький жил у старушки,
А вокруг зеленела опушкой,
Голубая шумела тайга.

Антарктида, Атлантида
И звездные края —
Романтика, романтика,
Мечта моя!

Всю любовь материнского сердца
Та старушка козлу отдала
И настоем ромашки и перца
Мыла стены, окошки и дверцы,
Чтоб не мучили блохи козла.

Антарктика, Атлантика
И звездные края —
Романтика, романтика —
Мечта моя!

Не томила козленка безбурность
И уют обжитого угла.
В нем кипела мятежная юность,
Жажда подвига в сердце проснулась
И в таежную даль увлекла...

Антарктика, Атлантика
И звездные края —
Романтика, романтика —
Мечта моя!

Он на тропах лесных встретил смело

Волчью стаю — исчадия зла!
Вражья сила его одолела,
И печально в тайге прозвенела
Лебединая песня козла...

Антарктика, Атлантика
И звездные края —
Романтика, романтика,
Мечта моя!

Поискала любимца старушка —
Только ножки нашла да рога...
Сиротою осталась в избушке,
А вокруг, зеленея опушкой,
Голубая шумела тайга.

Антарктика, Атлантика
И звездные края —
Романтика, романтика —
Мечта моя!

⟨Э. Паперная⟩

III ВЕВЕРЛЕИ

*Пошел купаться Веверлей,
оставив дома Доротею.
С собою пару пузырей
берет он, плавать не умея.*

*И он нырнул, как только мог,
нырнул он прямо с головою.
Но голова тяжеле ног,
она осталась под водою.*

*Жена, узнав про ту беду,
удостовериться хотела.
Но ноги милого в пруду
она узрев, окаменела.*

*Прошли века, и пруд заглох,
и поросли травой аллеи;
но все торчит там пара ног
и остов бедной Доротеи.*

Гомер

1. В полдень купаться идет из дворца
 Веверлей богоравный.
А во дворце он оставил супругу
 свою Доротею.
В пышном дворце Доротея ткала
 большую двойную
цвета пурпурного ткань, рассыпая
 узоры сражений
5. между Ахейцами в медных бронях
 и возницами Трои.
Не было в целой Ахайе героя
 подобного в беге,
всех побеждал Веверлей быстроногий
 в ристалищах буйных,
плавать же он не умел. И с собою
 берет он в подмогу
два пузыря тонкостенных, из жертвен-
 ных телок добытых.
10. Близко от Скейских ворот их готовили
 мудрые старцы,
к богу воззвав, они вокруг разбро-
 сали ячмень крупнозерный,
шеи приподняли жертвам, зарезали,
 кожу содрали,
бедрa потом отрубили, двойным их
 пластом обернули,
светлого жира и мяса сырого наверх
 положили,

15. из-под кишок извлекли упругий
пузырь тонкостенный
и через легкий тростник надували
с различной силой.
Так снарядившись, на пруд поспешил
Веверлей боговидный.
Были устроены там водоемы; вода
в них обильно
светлой струею лилась, нечистое
все омывая.
20. Платье совлекши, на мелкоблестящем
хряще, наносимом
на берег плоский морскою волной,
он все разостлал их;
кинулся в пруд с головою, но ног
голова тяжелее,
медным доспехам подобно, осталась
она под водою.
Только узнала о том Доротея, богиня
среди женщин,
25. тотчас закутавшись в белое, как
серебро, покрывало,
вышла из спальни она, проливаяючи
нежные слезы.
Вышла она не одна: вслед за нею
пошли две служанки —
Эфра, Питфеева дочь, с волоокой
Клименою рядом.
Вскоре пришла она к месту, где
пруд протекал светловодный.
30. Милые ноги узрела и стала рыдать
безутешно,
волосы, плача, рвала, далеко
покрывало откинув,
и Ниобее подобно в тот миг она
окаменела.

Тучегонитель Зевес сохранил для
потомства их вечно.

Много столетий прошло и много
ушло поколений,

35. но до сих пор там стоят над водой
Веверлеевы ноги
и в стороне среди песков — Доротеи
белеющий остов.

До н. э.

⟨А. Финкель⟩

Данте

1. В те дни, когда на нас созвездье Пса
глядит враждебно с высоты зенита,
и свод небес, как тяжесть, оперся,
2. И от лучей не сыщешь ты защиты,
пошел купаться знатный Веверлей,
хламидой брэнною едва прикрытый,
3. С собою взявши пару пузырей,
в дворце жену оставив Доротею.
Вот граф идет среди густых аллей,
4. От духоты полуденной потея.
К пруду придя, нырнул, как только мог,
но голова у графа тяжелее
5. Его прекрасных, стройных графских ног.
И вот она осталась под водою.
Хрустит в саду тревожимый песок
6. Под легкою воздушною стопою.
То Доротея, светлая жена,
спешит на пруд, волнуема молвою,
7. И, ноги увидав, поражена,
окаменела, как супруга Лота.
С тех пор сошли в могилу племена,

8. Века иной омрачены заботой,
и высох пруд, и сад давно заглох,
и одичали бывшие красоты,
9. И на дворце растет зеленый мох,
и поросли крапивою аллеи,
но до сих пор торчит там пара ног
и остов бедной нежной Доротеи.

1301 г.

⟨А. Финкель⟩

И. А. Крылов

В одну из самых жарких пор
затеял Веверлей купаться.

И надобно сознаться,
что Веверлей сей плавал как топор.
В кладовке, в старом хламе роясь,
нашел он плавательный пояс
и, на свою беду,
решил: пойду.

(А дома бросил он супругу Доротею.)

Спешит наш Веверлей по липовой аллее,
пришел, нырнул, как только мог,
нырнул он прямо головою.

Известно — голова всегда тяжеле ног,
и вот она осталась под водою.

Его жена, узнав про ту беду,
удостовериться в несчастье хотела.

И, ноги милого узревши в том пруду,
в сей миг она окаменела.

Хотя с тех пор прошел уже немалый срок,
и пруд заглох, и заросли аллеи,
но до сих пор торчит там пара ног
и остов бедной Доротеи.

Супругов мне, конечно, очень жаль,
но в басне сей заключена мораль:

не зная броду,
не суйся в воду.

1807 г.

⟨А. Финкель⟩

Н. А. Некрасов

Вот что мне рассказал мой попутчик,
мой случайный знакомый на миг,
отставной лейб-гвардеец поручик,
седовласый почтенный старик:

«Нынче что? Нынче рай и приволье:
дресмашины у вас, бункера,
все толкуете — пар, многополье.
Не такая бывала пора.

Жил в деревне Отрадной помещик,
Варсофоний Петров Веверлей.
Ну и был, доложу я Вам, лещик,
вряд ли было в округе лютей.

Только слышишь: в колодки злодеев,
на Камчатку сошлю, засеку.
Ну, и много ж засек Аракчеев
на своем на злодейском веку.

Вечно пьяный — страдал, вишь, от жажды,
вечно фляжку с собою имел.
Вот пошел он купаться однажды,
ну, а плавать-то он не умел.

Подошел он к пруду; шаровары
снял и на берег лег отдохнуть

(с тела был он сухой и поджарый,
заросла волосами вся грудь).

Полежал он в мечтательной неге,
встал и тело обрызгал водой,
отошел с три шага и с разбегу
прямо в воду нырнул головой.

Затянуло беднягу в пучину,
над водой только ноги видны.
Кто опишет тоску и кручину
Веверлеевой бедной жены?

А любила ж его Доротея,
а за что — не пойму до сих пор.
Как узнала — помчалась скорее,
дрожь в руках и взволнованный взор.

Прибежала на пруд и узрела —
пара ног над водою торчит.
И старушечье дряхлое тело
превратилось мгновенно в гранит.

До сих пор в деревеньке той дальней
видят ноги и белый скелет».
Так закончил рассказ свой печальный
мой знакомый и вышел в буфет.

1867 г.

⟨А. Финкель⟩

Валерий Брюсов

СОНЕТ

Царь всех царей земных, властитель Веверлей
торжественно грядет к священному Мериду.
Царь плавать не умел. И пару пузырей
дает ему жена, избранница Изиды.

И, тело обнажив под сенью пирамиды,
он погрузился в пруд, творя молитву ей.
Но мудрая глава ног царских тяжелей —
осталась голова в объятьях Нереиды.

Той вести гибельной довериться не смея,
спешит на озеро царица Доротей
и, к озеру придя, окаменела вдруг.

С тех пор прошли года тягучей вереницей.
Но до сих пор хранит песок скелет царицы
и над водою тень костей берцовых двух.

1907 г.

〈А. Финкель〉

К. Д. Бальмонт

(На два голоса)

Оставив дома Доротею,
пошел купаться Веверлей.

— Как в полдень тают тучки, млея,
как солнце в полдень золотей.

Берет он, плавать не умея,
с собою пару пузырей.

— Как солнце гаснет, золотая,
как тучки вечером алей.

Нырнул он прямо головою,
нырнул он в пруд, как только мог.

— О, как мне страшно в часы прибою,
о, как тревожно хрустит песок.

Но он остался под водою,
ведь голова тяжеле ног.

— О, как подавлен я темнотою,
о, как мне страшно, а путь далек.

Удостовериться хотела
жена его, узнав беду.

— Как отдаешься ты мне несмело,
твоей я ласки чаруйной жду.

И вмиг она окаменела,
увидев ноги в том пруду.

— О, как целуешь ты неумело
в каком-то сладостном бреду.

И поросли травой аллеи,
и высох пруд, и сад заглох.

— Как в полдень тают тучки, млея,
о, как тревожно хрустит песок.

Но остов бедной Доротеи
торчит там вместе с парой ног.

— Как солнце гаснет, золотея,
о, как мне страшно — а путь далек.

1908 г.

⟨А. Финкель⟩

Александр Блок

Где дамы щеголяют модами,
где всякий лицеист остер,
над скукой дач, над огородами,
над пылью солнечных озер, —

там каждый вечер в час назначенный,
среди тревожащих аллей
со станом, пузырями схваченным,
идет купаться Веверлей.

И, медленно пройдя меж голыми,
заламывая котелок,
шагами скорбными, тяжелыми
ступает на сырой песок.

Такой бесстыдно упоительный,
взволнован голубой звездой,
ныряет в воду он стремительно
и остается под водой.

Вздыхая древними поверьями,
шелками черными шумна,
под шлемом с траурными перьями
идет на пруд его жена.

И ноги милого склоненные
в ее качаются мозгу,
и очи синие, бездонные
цветут на дальнем берегу.

И, странной близостью закована,
глядит за темную вуаль
и видит берег очарованный
и очарованную даль.

И в этой пошлости таинственной
оглушена, поражена,
стоит над умершим единственным
окаменевшая одна.

1910 г.

⟨А. Финкель⟩

Андрей Белый

Я только временный заем
у йогов Дорнаха всевластных,
я — стилистический прием,
инструментовка на согласных.

И Доротеин Веверлей,
и Доротей Веверлея
над бессловесной бездной реют,
как закипевший словолей.

Я — составитель антифонов,
пифагорийская земля.
Тогда еще блистал Сафонов¹,
известность с Надсоном деля.

И Веверлей, усталый мистик,
среди тополей, среди аллей,
голубоглазый злой эвристик,
спешит купаться в водолей.

(Так звуки слова «Веверлей»
балда — неумный гимназистик
переболтает в «ливер лей»,
а Веверлей усталый мистик.)

¹ Известный московский дирижер.

Идет купаться Веверлей,
оставив дома Доротею,
с собою пару пузырей
берет он, плавать не умея.

Нырнул — лазорь и всплеск в лазорь,
багрец и золото в лазури,
и в небо брызги — розы зорь,
а в воды — розовые бури.

Усталый мистик — бледный йог
с волнистой русой бородою.
Но голова тяжеле ног,
она осталась под водою.

Средь тополей, среди аллей,
среди полей, полуалея,
...чего так медлит Веверлей...
взлетает, тая, Доротея.

(Так мой отец — декан Летаев,
промолвив: интеграл из пи, —
взвихрится и взлетит, растаяв,
взлетая в голубой степи.)

И Доротея в том году
астральное узнала тело.
Но ноги милого в пруду
она узрев, окаменела.

И Мережковский, русский йог,
был воплощенье Доротеи:
...ты знаешь, этот пруд заглох
и поросли травой аллеи.

И Соловьев, лазурный бог,
был воплощенье Веверлея.
...Но все торчит там пара ног
и остов бедной Доротеи.

Так на кресте и в Красоте,
блистая песнею чудесной,
мы умираем во Христе,
чтоб в Светлом Духе вновь воскреснуть.

1911 г.

〈А. Финкель〉

Анна Ахматова

Все как прежде небо лилово,
те же травы на той же земле,
и сама я не стала новой,
но ушел от меня Веверлей.

Я спросила: чего ты хочешь?
Он ответил: купаться в пруду.
Засмеялась я: ах, напророчишь
нам обоим, пожалуй, беду.

Как забуду? Он вышел бодрый,
с пузырями на правой руке.
И мелькали крутые бедра
на хрустящем желтом песке.

Для того ли долгие годы
в одинокой любви прошли,
чтобы отдал ты темным водам
свой загадочный древний лик?!

Тихо сердце мое угасло,
на душе у меня темно.
О, прости, — я не знала, что часто
голова тяжелее ног.

О, как сердце мое темнеет,
не смертельного ль часа жду?
И я одна каменею
на холодном темном пруду.

1914 г.

⟨А. Финкель⟩

Владимир Маяковский

Вы заплесневели,
как какая-то Бакалея,
о, чтобы вас разорвало,
чтоб!

А я лучше буду
кричать про Веверлея
и про то,
как он утоп.
Солнце палило в 3000 дизелей,
ставило ва-банк на какую-то
сумасшедшую игру.
И тогда
Веверлей из дому вылез
и затрюхал на пруд.
Вытер запотевшие красные веки
и, когда
наконец
дошел,
с благодушием, странным в рыжем человеке,
вдруг пробасил:
«Хорошо»...
Скинул рубаху, штаны и прочее
и в холодную воду
скок.
Будьте любезны, убедитесь воочию,
что голова тяжелее ног.
Пошел ко дну, как железный ключ, и
даже пузыри не пошли.
А бог потирает ладони ручек,
думает —
здорово насолил.

Идет Доротея,
сажени режет,
идет Доротея,
визжит и брызжет.
Глазами рыщет —
где же, где же
ее Веверлей,
любимый, рыжий.
Уже до колен, до груди, до шеи,
Доротеино тело — кварц.
Стоит Доротея
и каменеет —
ноги, грудь, голова.
100, 1000, миллион, много,
прошло миллиард червонцев лет.
И все торчат Веверлеевы ноги
и Доротеин скелет.
Душу облачите смертным саваном,
лягте живые в гроб.
Я, иерей, возглашаю:
слава им, кто окаменел и утоп.

1915 г.

⟨А. Финкель⟩

Уже растоптана трава в лугах Эллады
и блещет ярко в небе Фаэтон.
В прохладных рощах в полдень спят дриады,
и Пану самому слетает светлый сон.

Широколистые не сеют тени клены,
лучам пылающим открыт песок аллеи.
Полуденным пыланьем утомленный,
купаться поспешил прекрасный Веверлей.

Оставил верную он дома Доротею;
на тело голое навлек простой хитон.
Обул сандалии. Но, плавать не умея,
два легких пузыря берет с собою он.

Эмаль холодную он рассекает смело,
с разбегу в воду он ныряет головой.
Но тяжелее голова, чем тело,
и, дивная, она осталась под водой.

Летят, как горлицы, стенанья Доротеи.
Спешит прекрасная, бежит, как легкий пух.
Но, ноги милого заметив средь аллеи,
несчастливая, она окаменела вдруг.

Не для того ль ползли арбы веков в тревоге,
на мне столетия оставили свой след,
чтоб видел над водой я высохшие ноги
и на аллеях зрел я горестный скелет?!

И вновь вигилии ночные скорби множат, —
и наш век варварский, как бывшие, пройдет,
и снова бард чужую песню сложит
и, как свою, ее произнесет.

1916 г.

⟨А. Финкель⟩

Демьян Бедный

Вот, братцы, сказочка про Веверлея,
который не жалея
ни рук своих, ни ног
нырнул как только мог
глубоко.

В мгновенье ока
засосан был водой
и там остался с бородой.
Жена его, Доротея,
узнав про эти затеи,
прибежала на пруд
в большой тревоге
и, увидев мужнины ноги,
навек окаменела тут.

Сказка, говорится, складка,
а вот вам и ее разгадка.
Похохочу я над вами всласть.
Пруд-то он — Советская власть,
а Веверлеи и Доротеи,
все эти богатеи, —
социал-предатели,
соглашатели
и буржуазные лакеи.

1919 г.

⟨А. Финкель⟩

БАЛЛАДА О ВЕВЕРЛЕЕ

Солнце. Июль. Полдень. Жара.
В ушах команда: «Купаться пора!»
Веверлей молод, дерзок и смел.
Да только плавать он не умел.
Дает Доротея ему пузыри:
— Не утони, Веверлей, смотри! —
Идет он, раскачиваясь на ходу,
Все ближе к пруду, ближе к пруду.
Сотый шаг, трехсотый шаг,
На пятисотом пруд в камышах.
Штаны на песок, в воду бросок,
Но голова тяжелее ног.
Она остается под водой.
Дерзок и смел Веверлей молодой.
— Не все ли равно, — сказал он, — где.
Еще покойней торчать в воде. —
Ушам Доротеи простукал рассвет:
— Купанье есть, Веверлея нет... —
Мчится она, ей навстречу пруд:
Голова под водою, а ноги тут.
Она не кричит, молчанье хранит,
Она не живая, она гранит.
Сорок лет, сто сорок лет
Его там ноги, ее там скелет.
Смотрят они на вас и сейчас.
И на этом кончается мой рассказ.

1923 г.

⟨А. Финкель⟩

ДУМА ПРО ВЕВЕРЛЕЯ

I

Не загинул я от пули
У Попова лога,
Не изжарюсь и в июле —
В дым, в жестянку, в бога.

Пусть я плавать не умею —
Пузыря надую.
Дай пузырь мне, Доротея,
И на пруд пойду я.

Веверлей стоит у хатки,
От солнца пылая.
Амуниция в порядке,
Как при Николае.

В чистой форменной тельняшке,
Шевелит усами,
Так и вздрагивают ляжки
Под его трусами.

На затылок сбита кепка.
Красота и сила!
Пузыри висят на цепке
От паникадила.

Волосатый и мохнатый —
Ну и вправду цаца!

Не загнулся у Махна ты,
Так воды ль бояться?!

II

Веверлей поднимет ногу,
Пристукнет другою,
Словно пробует дорогу,
Дорогу тудою.

Снял трусы он и рубаху
И к воде дал ходу.
Развернулся — и с размаху
Хлобысь прямо в воду.

Голова у Веверлея
Тяжелей свинчатки...
Нету, нету, Доротея,
Твоего ягнятки!

Только две ноги над прудом,
Над водою черной.
Не спасется он и чудом,
Как ни будь проворный.

Пусть про долю не гадает
Ни прямо, ни косо.
Только брызги оседают
На вохре откоса.

III

Как узнала Доротея
Про такое дело,
Белых ножек не жалея,
На пруд полетела.

Подбегает ближе, ближе
С тоскою во взоре.
Опускает ниже, ниже
Головоньку с горя.

Видит ноги над водою —
А где его тело?
Не управилась с бедою
И окаменела.

Э п и л о г

Отшумели над равниной
Боевые годы,
Протекли над всей краиной
Молодые воды.

Этот пруд давно затянут
Зеленою ряской;
И купаться кто там станет —
Все идут с опаской.

Заросли травой дороги,
Только ветер веет.
Но торчат, как прежде, ноги,
Ноги Веверлея.

Обвевает вихрь горячий
Остов Доротеи...
Рассказать бы лучше надо,
Да, жаль, не умею...

1930 г.

〈А. Финкель〉

Борис Пастернак

Стояла жара.

Ветер дул из Хеврона, порывистый и беспокойный.

И сегодня опять, как вчера и как позавчера,

Было жарко и знойно.

Идет Веверлей

Искупаться на озеро — все ж над водою свежее.

И с собою берет пару плавательных пузырей,

Плавать он не умел.

В песок завалясь,

В стороне от далеких слегка пожелтевших могилок,

Шепчет он, словно в Марбурге, про априорную связь

Мета-транс-предпосылок.

Отряхнувши песок,

В безымянное озеро прямо нырнул с головою.

Но осталась она, тяжелей бывши высохших ног,

Под нагретой водою.

Покуда он здесь

Над водою стоит, V-образно раскинувши ноги,

Доротeya, супруга, прослышав печальную весть,

Понеслася в тревоге.

Спадает жара.

Ветер дул из Хеврона, ночную прохладу пророча.

Доротeya, супруга, подруга, и мать, и сестра!

Хоть бы путь был короче!

Зажглася звезда.

И видны Доротее торчащие ноги без тела.

Приглуши, притуши эту боль. Никогда. И тогда

Сразу окаменела.

На дереве мох.
Пруд зарос и заглох.
Поросли сорняками аллеи.
Но торчит до сих пор, до сих пор пара ног, пара ног
И скелет Доротеи.

1946 г.

〈А. Финкель〉

I

В июле началась жара,
Что хоть Египту впору,
И солнце с самого утра
Ползет упорно в гору.
И хоть известно: летний день —
За зимнюю неделю,
Но тут взяла такая лень,
Что дышишь еле-еле.
«Пойду, — подумал Веверлей, —
Пусть плавать не умею,
Но даст мне пару пузырей
С собою Доротея».
Взял пузыри и был таков.
Она ж по доле женской
Трудись в дому до петухов,
Как водится спокон веков
В губернии Смоленской.
Коси, коса, пока роса,
Роса долой, и мы домой.

II

Течет там речка Лучеса,
И в речке той есть заводь.
Там не купанье — чудеса,
Умей лишь только плавать.
У Веверлея сперло дух —
Скорей, скорей купаться!

И сразу в колокол он бух,
Не поглядевши в святцы.
И сделал сгоряча прыжок
Он в заводь с головою,
Но голова тяжеле ног,
Назад он вынырнуть не мог,
Остался под водою.
Так, так... Семь бед — один ответ,
Как говорил мой старый дед.
Не мог он выбраться назад,
Лишь ноги над водой торчат.

III

И вскорости про ту беду
Узнала Доротея.
Деревья бросила в саду,
На кухне бросила еду,
К реке бежит скорее.
И видит что-то на реке,
Не чурку и не бочку,
А... Карандаш дрожит в руке,
Поставлю лучше точку.
Ведь что написано пером,
Карандашом хотя бы,
Не вырубешь и топором,
И будут плакать бабы.
И Доротеин горький крик
Пронзает сердце, душу:
«Куда исчез, куда ты сник,
Мой милый Веверлюша!
Зачем же я тебя ждала,
Мой плаватель, мой смелый!
Зачем...» Но тут же умерла,
Точней — окаменела.

.....

С тех прошло немало лет,
И стала жизнь светлее,
Но все торчит ее скелет
И ноги Веверлея.

1949 г. 〈А. Финкель〉

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

...На горизонте,
Где, как меня учили в раннем детстве,
Косматый дед в мохнатой волчьей шубе
(Куда любил я зарываться носом,
Вдыхая запах рыси и енота
И всякого еще пушного зверя)
И бабушка в ротонде лисьей круглой,
Так вот — где небо сходится с землею,
Есть озеро, вернее, пруд глубокий.
На дне его ключи взрывают воду.
Там золотисто пахнет светлой рыбой
(Не жареной, заметьте, а живую).
Туда в горячий августовский полдень
Шел Веверлей купаться. Не умел он
Ни брассом плавать, не умел и кролем,
И даже, извините, по-собачьи.
Дает ему с собою Доротея,
Жена его, два пузыря в подмогу,
Два пузыря надежных, тонкостенных
И голубых и выпуклых, как небо,
Снаружи выпуклых, а изнутри — напротив.
Он лег на бережок и, глядя в небо,
Задумался над мировым порядком...
Как много облаков, как мало счастья;
Но, поменяв их, вряд ли стало б лучше;
Ведь мало облаков — дождей не будет,
А будет засуха, неурожай, несчастье.
Но эти мысли тоже не бесплодны,
И в них, конечно, бьется пульс эпохи
И отразилась середина века...

— Но я расфилософовался что-то,
Пора и в воду! — И нырнул он в воду,
Забыв о том, что не умеет плавать.
Что тяжелее? Голова иль ноги?
Он не успел как следует обдумать
Вопроса этого. Затянут был водою,
И голова осталась там навеки,
А над водою две ноги нависли
Немым сорокаградусным укором.
Дошли до Доротеи эти вести,
И безупречным физкультурным бегом
Она на пруд помчалась, побивая
Свои же предыдущие рекорды,
И бег ее сопровождало небо,
Не синее, а серое, как доски,
Те аспидные доски, на которых
Скрипучим грифелем я выводил когда-то
Фиту, и с точкой, ижицу и яти.
Вот пруд, вот небо. И на фоне неба,
Как циркуль перевернутый, те ноги,
Которые шагали и ходили
Куда, когда, как долго, до каких пор,
Самой своей природой отвечая
На все вопросы разных обстоятельств...
Теперь уже не будет обстоятельств,
Теперь еще не будет дополнений,
Теперь не будет, ничего не будет...
И Доротея тут окаменела.
Прошли года. Иным стал пульс эпохи,
Давно уж нет ни ижицы, ни яти,
И пруд заглох, и заросли аллеи,
Но все торчит там пара ног и остов
Единственной и бедной Доротеи.
Задумавшись над многогранным миром,
События осмысливая эти,
Я повторяю вслед за В. Шекспиром:
«Нет повести печальнее на свете».

¹ 1953 г.

⟨А. Финкель⟩

Приложение

Э. Паперная, А. Финкель

КАК СОЗДАВАЛСЯ «ПАРНАС ДЫБОМ»

Более сорока лет тому назад, в 1925 году, харьковским издательством «Космос» была выпущена в свет небольшая книжечка под названием «Парнас дыбом». На титульном листе ее стояло: «А. Блок, А. Белый, В. Гофман, И. Северянин... и многие другие про: КОЗЛОВ, СОБАК и ВЕВЕР-ЛЕЕВ». Имени автора указано не было.

Книжечка эта, которую читатели называли сборником пародий, разошлась немедленно, и на протяжении двух лет вышло еще три издания, — последнее, четвертое (на титульном листе по всеобщему недосмотру напечатано «второе»), в 1927 году, — общим тиражом 22 тысячи экземпляров, что по тем временам было немало.

Начиная со второго издания на титульном листе появляется: «Составители: Э.С.П., А.Г.Р., А.М.Ф.».

Что это за книжка, кто ее составители, укрывшиеся за никому не известными инициалами? Через сорок лет можно эту тайну раскрыть...

Мы были тогда, в 1922 году, студентами, а потом аспирантами Харьковского университета (в те годы он назывался Академией теоретических знаний, но вскоре был переименован в Институт народного образования). Молодые и веселые, мы интересовались всем на свете, но родной своей стихией считали литературу, язык, стилистику; хотелось же нам, чтоб наука была веселой, а веселье — научным. И достаточно нам было услышать пародийное четверостишие (кажется, Эмиля Кроткого):

В ночи, под знаком Зодиака,
Хочет пулеметная тесьма,
А у попа была собака,
И он ее любил весьма, —

чтобы сразу загореться двумя идеями. Первой — научной: какой бы вид приняло то же произведение, будучи написано в различных жанрах и стилях; и второй — веселой; а чем мы хуже Кроткого? Но обе эти идеи мы объединили, чтобы не только создавать веселые вещи, но чтобы на них разрешить вопрос о соотношении формы и содержания. Один из нас, впоследствии завкафедрой зарубежной литературы Харьковского госуниверситета, недавно скончавшийся А. Г. Розенберг, пошел по тому же следу и написал ряд вариаций на тему «Собака»; Э. С. Паперная, ныне детская писательница и переводчица, выбрала другую тему — серенького козлика; А. М. Финкель, языковед, работник ХГУ, разработал «Веверлея». Впрочем, монополии не было, и каждый из нас обрабатывал и темы соседа.

Итак, изобретателями мы не были: этот прием использовался и до нас. Разница лишь в том, что мы не были и не хотели быть пародистами, мы были стилизаторами, да еще с установкой познавательной. То же, что все это смешно и забавно, — это, так сказать, побочный эффект (так нам, по крайней мере, тогда казалось). Однако эффект оказался важнее нашей серьезности и для издателей и читателей совершенно ее вытеснил.

Года три эти сочинения были достоянием узкого круга людей и ходили в списках по Харькову. При активном содействии нашего общего друга И. Я. Каганова (ныне доцента Харьковского института культуры) представилась возможность кое-что из этого издать. Были отобраны самые удачные вещи в количестве всего 37-ми произведений (из многих десятков), предпослано введение, стилизованное под «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкина, и в начале 1925 года книжечка вышла под известным уже названием, навеянным мейерхольдовским спектаклем «Земля дыбом».

К этому времени серьезность наша стала большей, а резвость меньшей, и потому мы сочли, что научным сотрудникам университета, даже если он называется ИНО, не подобает выступать в печати столь легкомысленно, и постесня-

лись назвать свои имена: первое издание вышло анонимно. Но скоро нам стало известно, что «Парнас» приписывается разным лицам, никакого отношения к нему не имеющим. Поэтому уже во втором издании мы поставили свои инициалы (Э.С.П., А.Г.Р. и А.М.Ф.), чтобы хоть косвенным путем защитить себя, соблюдая при этом чистоту научных званий.

Но второе издание отличалось от первого не только этим, оно было исправлено и дополнено. В первом издании, как уже упоминалось, было дано 37 произведений («Собак» — 7, «Козлов» — 18 и «Веверлеев» — 12); во втором их стало 43, причем увеличение произошло исключительно за счет «Собак», которых теперь стало 13. Этот объем остался каноническим и для третьего и для четвертого изданий.

После 1927 года книжечка эта не переиздавалась и стала библиографической редкостью даже для ее авторов.

Архив «Парнаса» — не менее ста произведений — хранился у А. М. Финкеля, но вместе со всей его библиотекой погиб во время войны.

Через сорок лет пришла к «Парнасу» новая жизнь. В марте 1964 года в Харьковском клубе любителей книги А. М. Финкель рассказал историю «Парнаса», на примере имитации Некрасова показав, как это делается, и прочитав некоторые новые вещи. «Парнасу» была посвящена и телепередача с участием А. М. Финкеля. Тогда же примерно то же сделала в Ленинграде Э. С. Паперная. Харьковское областное издательство собирается переиздать эту книжечку в 1967 году, чему немало содействовало Харьковское отделение Союза писателей. В связи со всем этим авторы написали ряд новых вещей, введя в «Парнас дыбом» современных писателей, в результате чего в предполагаемое издание войдет 56 произведений: «Собак» — 15, «Козлов» — 24 и «Веверлеев» — 17.

Наш старый читатель принял в свое время нашу книжечку с интересом. Как ее примет и примет ли новый?

*«Вопросы литературы»,
1966, № 7, с. 234—241*

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Фризман. Второе рождение	5
---------------------------------------	---

ПАРНАС ДЫБОМ

Вместо предисловия. Разговор книгопродавца с поэтом	14
--	----

І. Собаки

Кай Юлий Цезарь	18
Песнь о Гайавате	19
Вильям Шекспир. Сонет 155	21
Н. А. Некрасов	22
Оскар Уайльд	23
Анатолий Франс	24
О. Генри. Человек дела	26
И. А. Бунин. Сонет	28
Н. Гумилев	29
Анна Ахматова	31
Максимилиан Волошин	32
Василий Каменский	34
Михаил Зощенко. Первый жалостливый рассказ	35
Корней Чуковский	37
Илья Эренбург. Гибель собаки	40
Н. Заболоцкий	42
Михаил Исаковский (<i>ранний</i>)	43
А. Н. Толстой	44
Семен Кирсанов. Про попа и собаку сказание читателю в назидание	46

Новелла Матвеева	48
Булат Окуджава	49

II. Козлы

Старофранцузская баллада	51
Симеон Полоцкий	52
Н. М. Карамзин	53
И. А. Крылов	54
А. С. Пушкин	55
Козьма Прутков	56
Алексей К. Толстой	57
С. Я. Надсон	58
К. Д. Бальмонт	59
Семен Юшкевич	60
Сергей Городецкий	61
Алексей Ремизов	62
Саша Черный	63
Виктор Гофман	64
Анна Ахматова	65
Игорь Северянин	66
Владимир Маяковский	67
А. Н. Вертинский	69
Сергей Есенин	70
Марина Цветаева	71
Борис Пастернак. Вариации без темы	72
Илья Сельвинский. Отрывок из романа	73
Самуил Маршак	74
Ф.-Г. Лорка	76
И. Бабель	78
Н. Олейников	79
Александр Прокофьев	80
Александр Твардовский	81
А. Барто	83
Андрей Вознесенский	84
Собирательный поэт-песенник	85

III. Веверлеи

Гомер	88
Данте	91
И. А. Крылов	93
Н. А. Некрасов	94
Валерий Брюсов. Сонет	96
К. Д. Бальмонт (<i>На два голоса</i>)	97
Александр Блок	99
Андрей Белый	101
Анна Ахматова	104
Владимир Маяковский	105
Осип Мандельштам	107
Демьян Бедный	109
Н. Тихонов. Баллада о Веверлее	110
Эдуард Багрицкий. Дума про Веверлея	111
Борис Пастернак	114
Александр Твардовский	116
Владимир Луговской. Отрывок из поэмы	119

Приложение

Э. Паперная, А. Финкель. Как создавался «Парнас дыбом»	121
---	-----

**Паперная Э. С., Розенберг А. Г., Фин-
П17 кель А. М. Парнас дыбом: Литера-
турные пародии / Сост., подгот. текста
и вступ. статья Л. Фризмана. — М.: Ху-
дож. лит., 1989. — 126 с. (Забытая кни-
га).**

ISBN 5—280—00892—3

«Парнас дыбом» — сборник литературных пародий, написанных в начале 20-х годов тремя молодыми харьковскими филологами. Авторы рассказывают шуточные истории о попе и собаке, сереньком козлике и Веверлее от имени знаменитых поэтов и прозаиков — от Гомера и Данте Алигьери до Ахматовой и Зощенко. Эта веселая и вместе с тем серьезная книга приобрела успех и легендарную известность. Она возвращается к читателю после долгого перерыва и адресуется всем, кто любит веселую литературную шутку.

П 4702010206—225 КБ—46—58—88 ББК 84Р7
028(01)—89

**ЗАБЫТАЯ
КНИГА**

**Эстер Соломоновна Паперная
Александр Григорьевич Розенберг
Александр Моисеевич Финкель**

Парнас дубом

*Составитель
Леонид Генрихович Фризман*

Редактор О. Новикова

Художественный редактор Г. Масляненко

Технический редактор Л. Ковнацкая

Корректоры Н. Усольцева,
О. Наренкова

ИБ № 5644

Сдано в набор 24.10.88. Подписано в печать 14.12.88. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага кн.-журн. № 2. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,18. Усл. кр.-отт. 10,69. Уч.-изд. л. 3,61. Тираж 100 000 экз. Изд. № I-3331. Заказ 2685. Цена 70 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, Калинин, пр. Ленина, 5.

70 К.

